

Лит. газета. - 1994 - 12 окт. - с. 12.

Та, которую звали Эллеферия

Строки Пушкина, прочитанные заново

*Эллеферия, пред тобой
Затмилась прелести другие.
Горю тобой, дышу тобой.
Я твой навек, Эллеферия!*

ПОМНИТСЯ, много лет назад я спросил одного поэта, много ли стихов он оставляет по своей воле в ящиках письменного стола, не допуская до печати. "Зачем? — засмеялся поэт. — Это за меня делают другие: редактора, цензоры..."

Поводом для такого диалога послужила известная мысль Брюсова о том, что по количеству ненапечатанного узнают гения. Ибо благополучная посредственность все успеет закончить и опубликовать, а гений вечно устремлен к новым замыслам. Он "сам свой высший суд". И многое из уже совершенного признает недостойным себя. Мысль и впрямь небесспорная. Однако свой резон в ней есть. Почти половина стихотворений Пушкина, которые ныне печатаются в собраниях его сочинений, при жизни поэта оставалась в черновиках, являющихся теперь единственными источниками текстов этих произведений, — пишет известный современный пушкинист С.Фомичев. — Расшифровка же пушкинских черновиков не проста... Дело даже не только в трудном чтении отдельных слов — иногда зачеркнутых, но необходимых для восстановления смысла всей строки, а иногда начертанных невнятной скорописью. Сложнее под-

час иное — проблема реконструкции общей композиции произведения...

Неспроста "проследивая историю изданий сочинений Пушкина, мы замечаем, как постепенно уточнялись их тексты, по черпнутые из черновиков". Работа эта началась давно, не прекращается она и сегодня. Не обойдется без новых прочтений и новое академическое собрание сочинений великого поэта, готовящееся к 200-летию со дня его рождения. С одним из таких прочтений — стихотворением 1823 года "Царское Село" — "Литературная газета" уже знакомила читателей ("ЛГ", 5 июня 1996 г.). Сегодня на наших страницах еще один прочитанный заново пушкинский текст, практически новое стихотворение, в чем-то загадочное и таинственное.

Эллеферия

*На юге, в мирной темноте,
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей спящей красоте
Вредна холодная Россия.*

*Ее страшит придворный шум,
Столичный блеск ей неприятен.
Люблю твой пылкий, гордый ум,
И сердцу голос твой понятен.*

ТАК, по убеждению Сергея Александровича Фомичева, должно читаться это стихотворение, "крайне сложный" черновик которого находится в так называемой Первой кишиневской тетради Пушкина. В старом (Большом) академическом издании тридцатых — сороковых годов оно воспроизводилось по-иному: иной порядок строф, иное прочтение некоторых слов и строк. И, конечно, пробелы, обилие скобок — квадратных и угловых, — обозначающих предположительность расшифровки. Не обошелся без этих значков и предлагаемый ныне вариант — мы их опустили для удобства чтения, как опускаем и научные доказательства, заметив лишь одно: звучат они в большинстве своем убедительно, а стихотворение обретает стройность и завершенность. И вместе с тем — загадочность. Кто она, таинственная Эллеферия?

"Стихотворение это обычно воспринималось как образец политической лирики Пушкина, отклик на освободительную

войну греков, — констатирует С.Фомичев. — Конечно, мысль об этом Пушкину близка, но произведение все же написано в жанре любовного мадригала, обращенного к некоей гречанке". Что ж, если так, список адресатов пушкинской лирики пополняется еще одним именем. И все же недаром, наверное, это имя означает по-гречески не что иное, как "свобода"! И не обретает ли в связи с этим некий горький и пророческий смысл двустичие "твоей спящей красоте вредна холодная Россия"?

Можно попутно усомниться в том, что Пушкин даже на уровне черновика допускал тавтологическую рифму "пред тобой — дышу тобой" (в "старом" прочтении она отсутствует). Но это частность. Прав к тому же С.Фомичев: "Любознательный читатель может проверить наши решения, обратившись к факсимильному изданию рабочих тетрадей поэта, которое выпускается Пушкинским Домом и Форумом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского. Экземпляры этого издания переданы в дар крупнейшим библиотекам Москвы и Санкт-Петербурга, а также Нижнего Новгорода, Киева, Одессы, Кишинева, Алма-Аты. Имеются они и во всех пушкинских музеях". Каждый может стать текстологом-пушкинистом благодаря этому изданию. По крайней мере, для себя, что тоже немало. Спасибо за это принцу Уэльскому, спасибо лидерам мирового бизнеса. Хотя, конечно, и печально, что у великой страны, давшей миру великого поэта, собственного "пороху" на такое издание не хватило. Ну, а на юбилейное-то, академическое хватит? Ведь время, что называется, поджидает, а пока все, что мы имеем, — это пробный том лицейской лирики, выпущенный трехтысячным тиражом на газетной бумаге, и тысячный тираж первого выпуска "Из подготовительных материалов к новому академическому Полному собранию сочинений А.С.Пушкина" — брошюра того же С.Фомичева "Новые тексты стихотворений А.С.Пушкина" (издательство "Нота bene").

— Мы живем надеждой, — говорит пушкинист. — Не завершить, конечно, издание к юбилею, но хотя бы начать его. Вспомним, что и прежние издания лишь начались в "Пушкинские дни" 1937 года, а завершилось только в сорок девятом, юбилейном году (не считая справочного тома, вышедшего еще через десятилетие). И пробный том — тогда это был седьмой, содержавший драматургию Пушкина, — тоже выходил. Нынешний пробный мы обязательно повторим в более приличествующем славному дате облике. Хотя зависит это, конечно, не только от нас. Правительство неоднократно начиная с 1992 года принимало постановления о пушкинском юбилее, надо надеяться, они возымеют действие. То, что зависит от нас — пушкинского отдела Пушкинского Дома, — сделано и делается. О том, сколько нам платят, я не говорю. Выпустить юбилейного академического Пушкина — дело чести. И, я думаю, не только нашей.

Илья ФОНЯКОВ,
соб. корр. "ЛГ"

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ